скохозайственных батраков и т. п. Поэтому нельзя под «римским народом» иметь в виду только городских люмпенпролетариев, которые могли будто бы просуществовать, торгуя своими голосами (стр. 114—115), а следует осветить жизнь всего трудящегося населения Италии, которое, конечно, нельзя было прокормить подачками богачей.

«Книга для чтения по истории древнего Рима», как и всякая другая историческая работа, должна ярко и всесторонне осветить деятельность трудящихся масс, ибо именно этим должна интересоваться «...историческая наука, если она хочет быть действительной наукой...»¹

Редакция в своем предисловии обещала «учитывать» последние достижения исторической науки» (стр. 3) и «последние данные археологических открытий». Нельзя сказать, чтобы и это обещание было достаточно выполнено. Археологический и эпиграфический материал замечен в некоторых статьях, посвященных римской империи, например, в статьях «Вечный город» и «В римском городе», особенно в последней. Но статья эта написана в причудливой форме прямой речи какого-то вымышленного «пожилого горожанина», поучающего на протяжении десяти страниц текста некоего чрезмерно наивного «молодого крестьянина», что оставляет самое сумбурное и весьма тяжелое впечатление. Импрессионистской манерой, сводящейся к множеству отдельных красочных мазков, оставляющих общее впечатление, но не поддающихся планомерному воспроизведению в обычной речи, грешат и другие статьи весьма в общем осведомленного автора этого отдела римской истории. Но если все же здесь и заметны некоторые новые материалы, то в общем в «Книге» совершенно игнорируются новые данные о доисторической Италии, о быте италийских племен, о культуре этрусков; почти совсем не представлены римские провинции, умалчивается об их сопротивлении римскому игу (Испания, Карфаген и Греция в 140-х годах и др.), есть лишь статья о покорении Дакии. Нет ничего о Причерноморье и Боспорском царстве в период римского господства, об Армении, бывшей яблоком раздора между Римом и Парфией, о римских попытках подчинить себе Кавказ; нет вообще всех тех новых данных, которыми по праву, как своими блестящими достижениями, гордится советская наука. Жаль, что все это осталось за пределами интересов и внимания авторов и редакции рецензируемого издания.

Таким образом, новая и очень нужная «Книга для чтения» оставляет двойственное впечатление. Следует приветствовать появление такого пособия, надо отметить значительный труд авторов его и редакции, чтобы дать дополнение к стандартному учебнику, переставшему уже в значительной мере удовлетворять сильно повысившимся со времени его составления требованиям нашей советской школы. Но следует также пожелать, чтобы при переиздании этого пособия и тем более при составлении соответствующих ему «Книги для чтения по истории древней Греции» и «Книги для чтения по истории древнего Востока», которые значатся в издательских планах Учпедгиза, было учтено то обстоятельство, что подобные руководства имеют значительно более широкие задачи, чем простое «д о л ж е н и е к систематическому курсу». Если авторы и редакция таких пособий, правильно отказавшись от перелицовки устарелого, откажутся также от стремления только подшивать и удлинять ставшие узкими или короткими части его, а серьезно задумаются над удовлетворением потребности молодежи, бурно порывающейся посылить включиться в научное творчество, — они окажут своими на таких принципах построенными «Книгами для чтения» громадную помощь и нашей школе, и внешкольным кружкам, вообще молодой смене нашей науки.

В. Н. Дьяков

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

Л. П. ПОТАПОВ, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948.

Книга Л. П. Потапова, вышедшая в свет в начале 1949 г. и удостоенная в 1951 году Сталинской премии, является результатом почти тридцатилетней работы ее автора по археологии, этнографии и истории народов Алтая и Кузнецкого Алатау — шорцев, алтайцев и др. Этой книге предшествовали другие книги проф. Потапова, которые давно уже закрепили за ним законную известность ведущего историка Саяно-Алтая. Что же касается самого направления его исследований, то следует сказать, что Л. П. Потапов является представителем нового направления в этнографической науке, которое отличает советскую этнографию от буржуазной. Л. П. Потапов с самого начала своей деятельности, применяя метод исторического материализма, все свои археолого-этнографические исследования подчинил задачам исторического анализа, созданию не описательных работ в духе старой этнографии, но исторических монографий, выясняющих историю того или иного народа. Эти принципы, в настоящее время широко применяемые всеми советскими этнографами, одного из первых привели Л. П. Потапова и к специальной разработке архивных материалов по истории изучаемых им народов. Это особенно сблизило труды этнографа Потапова с чисто историческими сочинениями. От историка Л. П. Потапова отличает лишь широкое включение в его работы тщательно проверенного этнографического и фольклорного материала. Это делает его исследования еще более убедительными и жизненными.

Во введении к книге дан обстоятельный обзор главных направлений в изучении истории Алтая в прошлом и за советский период. При этом надо отметить, что этот обзор дан историком-марксистом, расценивавшим деятельность своих предшественников и свои собственные исследования в связи с теми изменениями, которые происходили в классовой борьбе в царской России, и теми изменениями, которые характеризовали первое тридцатилетие развития Советского Союза. Л. П. Потапов подал здесь пример большевистской самокритики, не только вскрывая, но и объясняя свои собственные ошибки, имевшие место в его работах, вышедших в тридцатые годы — до Великой Отечественной войны.

Исторический очерк древних эпох в жизни населения Алтая, являющийся содержанием первой части книги, написан автором с большим знанием литературы и источников. В разделе «Древнейшие обитатели Алтая» в сжатой форме автор описал прогрессивное развитие культуры древнейшего населения Алтая со времен неолита и до конца бронзового века, когда древняя металлургия бронзы достигла весьма высокого уровня и распространилось земледелие. Автор считает, что это развитие и разнообразие оружия, выделяемого в конце бронзового века, «отражает развитие военного дела, которое в следующий период культурной жизни древних обитателей Алтая, в связи с возникновением и развитием кочевого образа жизни, превратилось в постоянный промысел».

Следующий период (с VII в. до н. э. по I в. н. э.), по мнению автора, является временем разложения первобытно-общинного строя на Алтае. Тогда «интенсивно развивается скотоводство в кочевой форме, создавшее своеобразную культуру ранних кочевников Алтая». Эта культура, по мнению автора, отражает первое общественное разделение труда, происходившее в этом обширном районе. Новый способ производства средств существования в форме кочевого скотоводства вызвал коренное изменение всего хозяйственного и социального уклада в жизни алтайских племен во второй половине первого тысячелетия до нашей эры.

Привлекая сравнительно-исторический материал при анализе больших алтайских курганов, Л. П. Потапов делает вывод, «что у ранних кочевников Алтая уже возникли первоначальные формы эксплуатации» (стр. 89). В богатых семьях «пленников оставлял в качестве рабов, в качестве рабочей силы» (стр. 91). Давая общую характеристику состояния общества на Алтае в эту эпоху, автор отмечает переплетение патриархально-родовых отношений с отношениями рабовладельческими, составившее основную черту социальных отношений у ранних кочевников Алтая. «Учитывая в их жизни роль и значение военного дела и военного предводительства, можно этот строй считать, —

говорит Л. П. Потапов,— как военно-демократический». Соглашаясь с общей характеристикой, данной автором, необходимо, однако, заметить, что она правильна только для конечного результата развития, для состояния алтайского общества в III—I вв. Более древнее время в известной мере отличалось от этого конечного этапа. Кроме того, едва ли правильно применение термина «военно-демократический строй» к характеристике всего общественного состояния. Ведь этот термин определяет лишь состояние политической надстройки. Он не выражает основных процессов изменения базиса общества на стадии разложения первобытно-общинного строя.

Третий раздел первой части повествует об истории Алтая в составе племенных государств Центральной Азии и прежде всего касается проблемы алтайских тюрок. Этот ярко написанный очерк страдает, однако, одним досадным недостатком. Л. П. Потапов, так же как и я в первом издании своей «Древней истории Южной Сибири», позаимствовал у А. Н. Бернштама и С. П. Толстова основанную на толковании соответствующего места из Махмуда Кашгарского в духе так называемого «нового учения о языке» «теорию» о значении термина «тюрк», который якобы первоначально имел «специфический классовый оттенок» (стр. 95). Отсюда проистекает неясность у Л. П. Потапова этнического определения населения Алтая в VI—VIII вв.; оно тюркоязычно, «однако называть тюрками население Алтая для этого времени можно лишь в условном смысле» (стр. 95). Эта теория неблагоприятно отразилась и на выяснении вопроса о причинах возникновения государства у алтайских тюрок. Внутренние причины, и среди них прежде всего развитие у алтайцев железодобывающих промыслов, остались в книге не проанализированными, хотя автор и приводит исторические свидетельства об этом (стр. 99).

Дальнейшие страницы первой части посвящены обстоятельному описанию истории Алтая в эпоху орхонского каганата, уйгурского ханства, каганата енисейских кыргызов, при киданях и найманах и «в составе империи Чингисхана».

Написанная на основании исследований ряда советских специалистов, первая часть книги является, несмотря на некоторые погрешности, надежным фундаментом второй части книги, излагающей историю алтайцев от их включения в состав русского государства и до современного развития их социалистической культуры.

Эта вторая часть целиком построена на материалах, собранных автором по архивам и во время многолетних этнографических экспедиций на Алтае. Особенно подробно она освещает историю алтайцев в XIX и первой половине XX в.

Всесторонне анализируя производство у алтайцев XIX в., их родовой быт и общественный строй, Л. П. Потапов совершенно обоснованно приходит к выводу, «что общество у алтайцев было классовым» (стр. 331). «Однако,— пишет далее автор,— феодальные отношения у южных алтайцев выступали в весьма своеобразной форме. Своеобразие это заключалось в том, что феодальные отношения переплетались здесь с патриархальными родовыми отношениями и их пережитками» (стр. 332). Отмечая это, Л. П. Потапов проводит очень важную мысль о том, что «о недоразвитости феодальных отношений у алтайцев можно говорить только весьма условно, только в сравнении с феодальными отношениями у народов более культурных, где основой хозяйства является земледелие, где барщина и оброк выступают в чистом и ярком виде. Исходя же из реальных условий общественно-экономической жизни у южных алтайцев, следует говорить не о недоразвитости феодальных отношений, а об их своеобразии» (стр. 333). Я считаю, что это положение Потапова является весьма плодотворным и ставит наши оценки, опирающиеся на сравнения, на правильную методологическую основу.

Очень яркие страницы, которые Л. П. Потапов посвящает колониальной политике царизма и развитию элементов капитализма. Вскрывая все самые темные стороны жизни алтайцев в условиях колониального царского гнета и развивающейся капиталистической эксплуатации, Л. П. Потапов вместе с тем подчеркивает, что, несмотря на эти отрицательные стороны, сближение алтайского народа с великим русским народом и прежде всего нахождение алтайцев в составе России имело для них прогрессивное значение. Нельзя не согласиться со следующим итогом, которым автор заключает свое изуче-

ние истории алтайцев в дооктябрьский период: «Таким образом можно утверждать, что не наследственная руссификация алтайцев, а свободное общение их с русским народом принесло им значительные успехи в культурном развитии. В отличие от царских колонизаторов: чиновников, торговцев, миссионеров и кулаков, русский народ сыграл глубоко прогрессивную роль в деле развития и повышения культуры алтайцев в рассматриваемый период. Но это положительное влияние русского народа и естественное экономическое и культурное общение его с алтайцами тормозилось колониальной политикой царизма» (стр. 442).

Все изложение дооктябрьского периода в истории алтайцев построено на глубоком и методологически правильном анализе огромного материала. Это определило и вполне оригинальные выводы автора. В этой связи я остановлюсь лишь на одном примере, на вопросе о так называемой «белой вере», или бурханизме — движении, возникшем у алтайцев в начале 900-х годов. По поводу этого движения существует большая литература. Большинство писавших за последнее время трактовали бурханизм как национально-освободительное движение алтайцев-скотоводов.

Л. П. Потапов, на основании всестороннего изучения бурханистских гимнов и молитв, пришел к неоспоримому выводу, что бурханизм «необходимо признать реакционным, националистическим движением, так как он ориентировался на отрыв Алтая от России, на переход алтайцев под протекторат Японии. Такое положение было выгодно только байской верхушке, стремившейся к монополюльной эксплуатации соплеменников, к монополюльному положению на Алтае» (стр. 412). Я считаю, что главы о бурханизме являются крупнейшей заслугой Л. П. Потапова, большим научным и историко-политическим открытием.

Ярко и оригинально написан и последний раздел книги Л. П. Потапова: «Алтайцы в Советскую эпоху». Первая глава этого раздела рассказывает об алтайцах в период от февраля 1917 г. и до образования Ойротской автономной области 1 июня 1922 г. Здесь особенно важны страницы, разоблачающие антинародную сущность каракорумцев — кучки националистов, продававших интересы трудящихся Алтая в период борьбы Советской России с колчаковщиной, а также разделы, показывающие предательскую политику националистов в период строительства алтайской советской автономии. Здесь ярко показана борьба с националистами, которую вели коммунисты при поддержке широких масс трудящихся.

Заключительная глава книги «Социалистическая культура и быт алтайцев», несколько более краткая, чем предшествующие, также построена на историческом анализе обширного материала о современной жизни алтайцев. Она вполне обосновывает вывод автора о том, что «осуществление советской национальной политики среди алтайцев дало блестящие результаты. В этом проявилась исключительная жизнеспособность и плодотворность советского государственного строя в применении даже к таким племенам и народам, которые еще недавно находились на ранних ступенях общественного развития» (стр. 504).

В заключение нужно подчеркнуть, что книга Л. П. Потапова является очень крупным достижением в области изучения истории народов СССР и во многом может служить образцом для новых исследований на аналогичные темы.

Проф. С. В. Киселев

«СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ», т. XI, 1949, 395 стр.; т. XII, 1950, 336 стр.; т. XIII, 1950, 350 стр.; т. XIV, 1950, 305 стр.

Сборники «Советская археология» заслуженно завоевали внимание читателей фундаментальными публикациями археологических материалов, тщательно изданных, широтой охваченных вопросов. Большинство статей, помещенных в сборниках, наглядно демонстрирует преимущества советской археологии, являющейся неотделимой частью марксистско-ленинской исторической науки. В статьях, даже касающихся частных вопросов, авторы дают историческую интерпретацию археологических